

Numerus clausus косвенных исков участников корпорации

Кипаренко Артем Юрьевич

Аспирант

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Юридический факультет, Москва, Россия
E-mail: kiparenko.law@mail.ru

Действующее правовое регулирование косвенных исков участников (акционеров) корпорации основывается на закрытом перечне (*numerus clausus*) таких исков, позволяя предъявлять участникам хозяйственных обществ только требования о взыскании убытков с менеджмента компании и требования о признании заключенной корпорацией сделки недействительной (п. 1 ст. 65.2 Гражданского кодекса РФ).

Отечественная литература не дает однозначного ответа как на вопрос об обоснованности установления данного правила, так и на вопрос о рациональности выбора только двух вышеуказанных притязаний в качестве допустимых[1].

Опыт иностранных юрисдикций, в частности США и Соединенного Королевства, напротив, свидетельствует о более либеральном отношении к содержанию доступного акционерам арсенала средств защиты корпорации, допуская, за редкими исключениями, предъявлять любые требования от имени компании в целях восстановления прав (*relief*) последней, в случае, когда органы управления компании по каким-то причинам не делают этого[2] [3]. Изложенное привело к появлению в литературе позиции о необходимости заимствования иностранной практики и расширения перечня косвенных исков участников корпорации на законодательном уровне, что позволит повысить эффективность защиты акционеров[4].

Для анализа приемлемости установления закрытого перечня косвенных исков следует дать оценку целесообразности существования правила *numerus clausus* в принципе, как фактически устоявшегося метода частноправового регулирования, в особенности присутствующего вещно-правовым отношениям. Одним из наиболее распространенных взглядов на концепцию *numerus clausus* является подход гарвардского профессора Г. Смита, который, в свою очередь, основывался на трудах Савиньи[5]. Краткое изложение сути данной концепции сводится к признанию необходимости ограничения законом количества ситуаций, в которых сторонами создаются правоотношения, имеющие эффект против третьих лиц, что необходимо для обеспечения правовой определенности и снижения информационных издержек таких третьих лиц.

В то же время представляется, что экстраполяция вышеуказанной логики на ситуацию с косвенными исками акционеров была бы некорректной, поскольку смысл идей Г. Смита заключался в ограничении случаев создания принципиально новых, ранее неизвестных обороту субъективных прав и конструкций. В случае подачи косвенного иска акционер не изобретает принципиально нового, не известного ранее обороту притязания, поскольку точно такой же иск по своему предмету мог бы быть предъявлен самим обществом, однако этого не происходит, как правило, из-за недобросовестного поведения менеджмента, что и легитимирует предъявление косвенного иска.

Получается, что, когда рассматривается *numerus clausus* косвенных исков, речь идет не о закрытом перечне исков как материально-правовых требованиях, предъявляемых от имени корпорации, а скорее о закрытом перечне случаев, когда акционеру предоставляется право выступать в качестве законного представителя корпорации и предъявлять те или иные иски в интересах последней. Сама необходимость ограничения таких случаев

не может вызывать сомнений, поскольку *a contrario* конструкция юридического лица как самостоятельного и автономного субъекта гражданского права была бы нивелирована, ведь акционер, считающий, что имеются основания для предъявления иска от имени компании, мог бы неограниченно предъявлять иски с самыми различными требованиями - о взыскании задолженности и штрафных санкций по заключенным корпорацией договорам, виндикационные и негаторные иски, оспаривать ненормативные акты, предъявлять деликтные иски к третьим лицам и др.

Тем не менее, следует признать, что установленный Гражданским кодексом РФ перечень косвенных исков кажется определенным случайно и в отсутствие внушительной догматической или политико-правовой аргументации. Одним из наиболее интересных аспектов данной проблематики является вопрос о допустимости предъявления акционером виндикационного иска в интересах корпорации.

Учитывая, что закон позволяет акционеру бороться с выводом активов корпорации и оспаривать совершенные последней крупные сделки и сделки с заинтересованностью, совершенно непонятно, почему акционер не сможет добиться защиты интересов компании, если произойдет перепродажа выведенного актива, в результате чего надлежащим способом защиты будет только виндикационный иск. Такая ситуация предопределена рядом случайных или, как минимум, трудно прогнозируемых факторов - момент обнаружения оспариваемой сделки, оперативность подачи иска, принятие или отказ в принятии судом мер по обеспечению иска и др. Из этого следует, что акционер, которому в известной степени повезло и он успел предъявить иск и предотвратить дальнейшее отчуждение выведенного имущества, сможет оспорить недобросовестно совершенную сделку. Акционер же, не сумевший, к примеру, добиться принятия обеспечительных мер, теряет право на иск о возврате имущества в пользу корпорации в силу отсутствия данного притязания в закрытом перечне косвенных исков.

При достижении описанных правовых результатов включение виндикационного притязания в число *numerus clausus* косвенных исков выглядит необоснованным законодательным решением. Следует признать, что закон одобряет интересы акционеров по борьбе с выводом активов, но в то же время предоставляет ограниченное количество форм для защиты таких интересов, что говорит только о несовершенстве системы. Возможно, что осознание судами необоснованности законодательного решения и объясняет наличие судебной практики, в том числе на уровне Верховного Суда РФ, которой *de facto* допускается истребование имущества корпорации по косвенному иску путем квалификации цепочки совершенных сделок в качестве единой притворной сделки[6].

Таким образом, имеет смысл пересмотреть подход к формированию перечня доступных акционерам косвенных исков в целях обеспечения эффективной защиты прав последних, в особенности миноритариев, лишенных возможности защитить интересы корпорации иными способами (например, заменой директора). В то же время расширение перечня косвенных исков требует взвешенного подхода и тщательного политико-правового обоснования допустимости предъявления того или иного требования, что продиктовано автономностью корпорации.

Источники и литература:

[1] Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект (Кузнецов А.А.) ("Закон", 2020, N 11).

[2] Косвенный иск в цивилистическом процессе (сравнительно-правовое исследование) (Васильева Т.А.) ("Статут", 2015).

[3] Boyle A.J. *Minority Shareholders Remedies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 279.

[4] Косвенный иск как средство защиты корпоративных прав в России и за рубежом:

материально-правовые проблемы (Пучков В.О.) ("Арбитражные споры", 2017, N 3).

[5] Smith H. The Property/Contract Interface 101 COLUM. L. REV. 773 (2001).

[6] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.10.2022 N 307-ЭС22-6119 по делу N А26-8405/2022.